

Всеобщая история

УДК 94(4)''375/1492''

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.075–087

Чаша Сидония, кубок Эннодия и кольцо Авита: экфрасис в поздней античности

Е.В. Литовченко

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Настоящее исследование посвящено анализу содержания и исторического контекста трех экфрасисов, авторами которых выступали позднеантичные интеллектуалы – Сидоний Аполлинарий, Авит Вьеннский и Эннодий. Кроме того, автор ставит своей целью определение роли данных риторических образцов в духовной культуре V–VI вв. н. э. Основными источниками исследования выступают эпистолярные коллекции Сидония и Авита, эпиграммы Эннодия, которые впервые переведены с латинского на русский язык. Автор приходит к выводу, что позднеантичные литераторы следовали нормам классической риторики, используя экфрасис (описание предмета искусства в литературном тексте) как один из художественных приёмов риторики, применявшийся для сохранения и передачи потомкам достижений античной литературы. Приём использовался как в качестве способа поддержания римской идентичности в её противопоставлении варварскому миру, так и в качестве возможности продемонстрировать свою риторическую подготовку, тем самым позиционируя себя как представителя высокой культуры.

Ключевые слова: поздняя античность, риторика, экфрасис, Сидоний Аполлинарий, Авит Вьеннский, Эннодий.

Интеллектуалы позднеантичной эпохи, взращённые в риторической традиции, применяли полученные навыки в литературном творчестве и переписке. Одной из важных целей *otium litteratum* (литературный досуг) выступала самопрезентация. Авторы позиционировали себя как представителей интеллектуальной элиты, хранителей классической культуры, демонстрируя свою образованность и эрудицию в свободном владении риторическим искусством. Для интеллектуалов античной цивилизации было очень важно обладать навыками красноречия и литературным талантом, поскольку хорошие ораторы могли рассчитывать на успешную карьеру и расценивались как *boni viri* («хорошие люди») (Квинтилиан писал, что «хорошо

говорить может только хороший человек» (*Nam et orationis omnes virtutes semel complectitur et protinus etiam mores oratoris, cum bene dicere non possit nisi bonus*)¹.

Риторическая техника включала в себя разнообразные приемы, служившие, в том числе, и для поддержания коммуникации (см., например, *Litovchenko E.V. Captatio benevolentiae in Late Antique Epistolography as a Means of Preserving Communication of the Intellectual Elite // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4 (59). С. 11–17; Она же. «Объятия писем»: текстовые механизмы коммуникации в позднеантичных эпистолярных сетях // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9. № 4. С. 159–177*); одним из них был экфрасис – описание предмета искусства в литературном тексте, поэтическом или прозаическом. Предметом описания могли выступать люди, животные, пейзажи, сражения, предметы искусства или повседневного пользования. С помощью экфрасиса один вид искусства (литература) устанавливает связь с другим видом (фреска, мозаика, скульптура, предметы декоративно-прикладного искусства), определяя через описание его сущность и форму и при этом непосредственно воздействуя на аудиторию живостью освещения.

Как риторический приём, который делает слушающего «видящим», экфрасис любого предмета теоретически направлен на создание эффекта, аналогичного эффекту произведений живописи или скульптуры. Таким образом, связь между словом и изображением в экфрасисе миметична (Дионисий Галикарнасский сформулировал собственную позицию относительно мимесиса, ознаменовавшую собой отход от концепции мимесиса Аристотеля, которая была связана исключительно с «имитацией природы». Дионисий расширил предмет мимесиса за счет добавления «подражания другим авторам»; латинские риторы приняли предложенный литературный метод имитации Дионисия, руководствуясь им в своей писательской деятельности.)², но не в смысле «создания копии», а в том смысле, что вербальный экфрасис действует, как картина, визуализируя текст³.

Отметим также и связь экфрасиса с материальными объектами в случаях, когда текст содержался на каком-либо предмете утилитарного назначения. Вообще, оставлять надписи и подписи для цивилизации «устного и письменного слова»⁴, как определяют античность, было крайне характерно, Р. Макмаллен даже называет это стремление «эпиграфической привычкой»⁵. Тексты на объектах (надписи) и объекты в текстах (экфрасис), по мнению Х.

¹ Quint. Inst. Orat. II. 15, 34.

² Dion. Hal. Imitatio.

³ *Webb R. Ekphrasis, imagination and persuasion in ancient rhetorical theory and practice. London, 2009. P. 194.*

⁴ *Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб., 2015. С. 13–39.*

⁵ *MacMullen R. The Epigraphic Habit in the Roman Empire // American Journal of Philology. 1982. 103(3). P. 233–246; также см.: Meyer E.A. Explaining the Epigraphic Habit in the Roman Empire: The Evidence of Epitaphs // Journal of Roman Studies. 1990. 80. P. 74–96.*

Меридит, представляют собой два вида античных источников, которые связывают искусство (литературный текст) и материальную культуру⁶. Исследователь считает, что экфрасис – это, по сути, анимированный образ в пара-нарративе (пара-нарратив – любая история или рассказ, включающийся в канву основного повествования⁷); на наш взгляд, уместнее обозначить данное явление как образ в образе (или «отражение отражения»⁸), поскольку речь идёт об описании, вставленном в текст основного произведения – поэмы, письма и т. п., однако в некоторых случаях экфрасис является самостоятельным литературным произведением, как у Эннодия.

Экфрасис как приём очерчен в «Прогимназмате» (лат. *praeexercitamina*), учебнике риторики Афтония⁹, друга известного ритора IV в. Либания. Самый масштабный пример античного экфрасиса можно найти в «Изображениях» Филострата Лемносского, где описаны 64 картины одной из вилл неаполитанского залива¹⁰. Известны также поэтические описания предметов – щита Ахилла в «Илиаде» Гомера (II. 18, 478-609), Геракла у Гесиода (Sc. 139–320) (поэма приписывается Гесиоду, хотя есть определённые сомнения в этом, возникшие ещё в античную эпоху у библиографа Аристофана Византийского¹¹), Энея у Вергилия (Aen. VIII. 617–731), Кренея у Стация (Theb. IX. 332-338), гобелена Арахны в «Метаморфозах» Овидия (Met. VI. 103-128) и других описаний, «выполняющих функцию визуализации»¹².

Одним из маркеров культуры позднеантичной эпохи считается стремление интеллектуалов сохранить наследие классиков, следуя тем литературным канонам, которые были заложены ещё Цицероном, Вергилием и другими авторами прошлого, поэтому от примеров классического экфрасиса перейдём к рассмотрению бытования данного приёма в позднеантичной литературе на примере трёх экфрасисов – чаши Сидония, кубка Эннодия и кольца Авита. Наша цель – проанализировать содержание и контекст интересующих нас произведений и определить их роль в письменной традиции и культуре V–VI вв. н.э.

Специфика позднеантичного экфрасиса сама по себе и в сравнении с классическими образцами не раз становилась предметом специального исследования, однако чаще всего авторы сосредотачиваются либо на феномене

⁶ Meredith H. Animating Objects: Ekphrastic and Inscribed Late Antique Movable Material Culture // *Facta*. 2009. No3. P. 35.

⁷ См.: Meredith H. Animating Objects... P. 35.

⁸ См.: Власов В.Г. Экфрасис // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. СПб. Т. X, 2010. С. 658.

⁹ De Theone, Hermogene, Aphthonioque Pro-gymnasmatum Scriptoribus. Virceburgi, 1884. 52 S.

¹⁰ Philostratus Maior: *Imagines*. Lipsiae, 1893.

¹¹ См.: Janko R. The Shield of Heracles and the Legend of Cycnus // *The Classical Quarterly*, New Series. 1986. 36(1). P. 39.

¹² Webb R. Op. cit. P. 3.

экфрасиса вообще¹³, либо анализируют образцы отдельных авторов, например, Сидония¹⁴ или Эннодия¹⁵. Анализ описания кольца Авита нам до сих пор не встречался.

Добавим ещё несколько слов о специфике того отрезка времени, к которому принадлежали наши авторы. Интересующие нас литературные «подделки» появились в промежутке между 467 и 512 гг. Письмо Сидония со строками для чаши датируется 467 г., Авит пишет о кольце вскоре после 507 г., эпиграммы Эннодия датировать сложнее: стихи, скорее всего, появились в миланский период его жизни, когда он активно занимался творчеством, а это время между 494 и 510 гг., до его рукоположения в епископы, которое состоялось в 512 или 513 г., что прибавляет ещё три года. В любом случае очевидно, что нас интересует временной отрезок в 40–45 лет, от 467 до 512 г. Этот небольшой в масштабах истории период вместил в себя события глобального характера: вторжения варваров, падение Западной Римской империи в 476 г. и образование варварских королевств. Результатом этих событий становится политическая нестабильность в весьма подвижных границах новых государственных образований, когда основным вопросом для римской элиты становится проблема выживания и сохранения своего имущества. В духовном плане деятельность римской интеллектуальной элиты была направлена на поддержание высокого уровня латыни, её сбережения от проникновения варваризмов. Христианство также выступало стабилизирующим фактором, объединяя разношерстное население настоящих и бывших провинций Западной империи и обеспечивая возможность представителям римской элиты проявлять себя на высоких церковных постах. Такая историческая обстановка и стала контекстом для создания указанных экфрасисов.

Все три описания роднит прежде всего материал, на котором были представлены изображения, нашедшие вербальное отражение в стихах и

¹³ Meredith H. Animating Objects: Ekphrastic and Inscribed Late Antique Movable Material Culture // *Facta*. 2009. No3. P. 35–64; *Id.* Word Becomes Image: Openwork Vessels as a Reflection of Late Antique Transformation. Oxford, 2015. 289 p.; Webb R. Ekphrasis, imagination and persuasion in ancient rhetorical theory and practice. London, 2009. 238 p.; Visible Writings: Cultures, Forms, Readings / M. Dalbello and M. Shaw (eds.). New Brunswick, 2011. 336 p.

¹⁴ Lobato J.H. Vel Apolline Muto: Estética y poética de la Antigüedad Tardía. Bern, 2012. P. 493–518; Guipponi-Gineste M.-F. Poème-bijou et objet précieux: La merveille entre esthétique, épictique et politique dans la correspondance de Sidoine Apollinaire (Epist., IV, 8) // *Présence de Sidoine Apollinaire* / R. Poignault and A. Stoehr-Monjou (eds.). Clermont-Ferrand, 2014. P. 245–258; Leatherbury S.V. Writing (and reading) Silver with Sidonius: the material contexts of late antique texts // *Word & Image*. 2017. 33(1). P. 35–56.

¹⁵ Di Rienzo D. Tema e variazioni: Il ciclo di Pasifae e il toro (carm 2, 25; 29–31; 103) // *Atti della prima Giornata Ennodiana* / F. Gasti (ed.). Pisa, 2001. P. 109–118; *Id.* Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio. Naples, 2005. 264 p.; Armstrong R. Pasiphae in the Eclogues and *Ars Amatoria* // *Cretan Women: Pasiphae, Ariadne, and Phaedra in Latin Poetry*. Oxford, 2006. P. 171–177; Wasyl A. M. The Future Bishop and Pasiphae. Asceticism, Corporeality, and the Secular in Ennodius's Poetry // *Athenaeum*. 2018. 106(2). P. 607–618; The poetry of Ennodius / Mulligan B. (transl., intr., notes). London & New York, 2022. 266 p.

прозе. Речь идёт о серебряной чаше, кубке из того же металла и кольце из электрума. Экфрасис Сидония украшает стенки чаши, Эннодия – визуализирует изображение на дне сосуда, описание кольца Авит даёт в одном из своих посланий брату. Таким образом, во всех трёх случаях описание связано с конкретным материальным предметом, правда, относительно кольца речь идёт о проекте будущей драгоценности.

Очевидно, что использование экфрасиса как классического риторического приёма служило связи поколений и способствовало передаче знаний античности зарождающейся средневековой европейской цивилизации. При этом каждый случай избранных нами для анализа экфрасисов уникален сам по себе и является отражением социально-политической и культурной ситуации, сложившейся в периоды жизни трёх авторов.

Интересующие нас литераторы были представителями высшего социального слоя позднеантичного общества, выбравшими в определенный момент путь церковного служения: Сидоний (ок. 430 – ок. 486) на посту епископа Клермона, Авит (ок. 450 – ок. 518) – во Вьенне, Эннодий (ок. 473 – 521) – в Павии. При этом их литературная деятельность продолжалась на протяжении всей жизни, в частности, в поэзии и в корреспонденции, как личной, так и деловой. Проанализируем каждый из экфрасисов и попытаемся определить, какие цели преследовали позднеантичные авторы.

В одном из своих писем Сидоний повествует о серебряной чаше, предназначенной для подарка королеве Рагнахильде (Sid. Ep. IV. 8, 4-5). Предыстория рождения этого экфрасиса такова: один из друзей Сидония, Эводий, обратился к нему с просьбой написать эпиграмму из двенадцати строк, подходящую для того, чтобы выгравировать её на большой чаше в форме раковины (*concha*), «рифленной шестью канавками, извиляющимися от круглого основания до конца их извилистого хода по сторонам, где расположены ручки» (IV. 8, 4). Подобные сосуды были не редкостью в позднеантичное время, а их форма говорит о функциональном назначении – такие чаши использовались для омовения рук и лица (таковы, например, Эсквилинские сокровища (древнеримский клад позднеантичных серебряных изделий IV века, который был найден в 1793 году на Эсквилинском холме в Риме); экспонируются в Британском музее¹⁶). Эта серебряная вещь должна быть вручена жене Эвриха, королеве Рагнахильде, чтобы обеспечить её покровительство Эводию. Подобного рода предмет обихода расценивался как показатель роскошной жизни, символ богатства и престижа, так что сделать такой подарок королеве было не зазорно.

В своём письме Сидоний заявляет, что он намеревается начертать двенадцать рифмованных строк либо на гребнях, либо в углублениях канавок, чтобы, поворачивая чашу, можно было прочитать стихотворение полностью. Приводим перевод этих строк (здесь и далее перевод с латинского на

¹⁶Об этом см., например, *Munksgaard E. Late Antique silver // Early Medieval Studies. 1987. Vol. 21. P. 82–84.*

русский язык сделан нами. – Е.Л.; ради сохранения рифмы автор позволил себе близкую к тексту оригинала литературную обработку):

*Вот рыбохвостый Тритон
Витую нериту влечет,
И этот морской фаэтон
Цитеру-богиню везет.
Вся красота той девы
Уступит Эводия дару,
Молю тебя, королева,
Прими этот скромный подарок.
Склонившись к нему на минутку,
Его возвеличишь ты разом,
Тем самым свою же славу
Умножишь таким наказом.
Величье твое, несомненно:
Муж, тесть и отец – все цари
И сын твой, непременно,
Монаршую жизнь повторит.
Пусть эти счастливые воды,
Налиты в блестящий металл,
Сияньем лица королевы,
Сразят серебро наповал.*

Мы видим, что Сидоний восхваляет происхождение, щедрость и красоту королевы, которая даже более великолепна, чем Венера, и проецирует будущее, рисуя перспективу, в которой сын Рагнахильды, Аларих II, продолжает чтить клиентские отношения, сложившиеся при его матери и скрепленные даром чаши. Таким образом, экфрастический стиль позднеантичного интеллектуала выполняет своё прямое назначение, позволяя представить в деталях описываемый предмет, при этом Сидоний умудряется решить сразу несколько задач: воздать почести красоте и мудрости королевы и ее монаршему роду, представить Эводия и облечь в слова великолепие серебряного дара, как пишет Шон Лизербери: «В мире Сидония слова могут плавно перемещаться от ... словесного к визуальному, заставляя читателей не просто «читать» текст на чаше или в письме», а «видеть» сам предмет¹⁷.

В конце послания Сидоний просит скрыть его авторство, утверждая, что вестготский двор оценит слова его поэмы меньше, чем вес и блеск серебряной чаши, на которой она начертана (IV. 8, 5). Отрицая свой собственный текст, он на самом деле подчёркивает его, прозрачно намекая, что если вестготы предпочтут драгоценный металл стихам, то настоящие римляне (интеллектуалы) должны оценить текст больше материального предмета¹⁸.

¹⁷ Leatherbury S.V. Writing (and reading) Silver with Sidonius: the material contexts of late antique texts // Word & Image. 2017. 33(1). P. 50.

¹⁸ Ibid. P. 48.

Тот факт, что литературные умения ценятся выше, чем ремесленные, подтверждается и в той части письма, где Сидоний упрекает Эводия в том, что он дал серебряных дел мастеру больше времени, чем поэту, а ведь не секрет, что стихи, отлитые на метрической наковальне (*Incus metrica* – поэтическая метафора, заимствованная римскими поэтами (Гораций, Овидий) у греков¹⁹), нуждаются в полировке не менее сильно, чем любой металл (IV. 8, 5). Сидоний имеет в виду, что требуется надлежащее количество времени, чтобы сделать, украсить и отполировать успешное произведение, и поэтому оно, несомненно, значимее, чем сама чаша. Судя по всему, поэт был недалек от истины, хотя и проявлял галло-римский снобизм по отношению к вестготам, но, памятуя о том, что он получил прощение Эвриха, сославшего Сидония за оборону Клермона, именно за панегирик в честь короля, можно заключить, что риторические таланты нашего автора и впрямь почитались варварами, по крайней мере образованной частью королевского двора.

Обратимся теперь ко второму экфрасису, принадлежащему Авиту. Это описание епископского кольца-печатки, которое он желает заказать, данное в письме брату Аполлинарию, епископу Валанса (*Avit. Ep. 87*). Если текст Сидония – поэтический, так как он был признанным мастером рифмы, Авит позволил себе выразить мечты о кольце лишь в прозе.

Задумывая для себя это ювелирное изделие «из зелёного камня (изумруда) и бледного электрума (сплава серебра с золотом)», Авит дает четкие указания: «... кольцо с печатью, которое твоё благочестие соизволило... предложить мне, я хочу сделать в такой форме: довольно тонкое золотое кольцо, заканчивающееся миниатюрными дельфинами, соединёнными друг с другом. Пусть вращающаяся двойная печать будет установлена на пару шарниров (*duplicis forma geminus cardinalis inseratur*), которые могут по желанию изменять вид кольца, скрывая от глаз блеск зеленого камня за бледным электрумом. Пусть его цвет будет таким, который одинаково и незаметно выделяет розоватость золота, блеск серебра, драгоценность каждого из них, [отражает яркие отблески] факелов, и ценится искусной приятностью зеленого в середине... Если ты согласишься, что должно быть выгравировано на печати: пусть знак моей монограммы, написанный в круге, будет прочитан как свидетельство моего имени. Кроме того, хвосты дельфинов, головы которых я описал выше, будут обхватывать середину кольца...» (*Avit. Ep. 87*).

Упомянув электрум, материал, из которого следует сделать кольцо, Авит рассуждает о том, что сплав должен быть высокой пробы, попутно вспоминая об отвратительном качестве вестготской чеканки. Некоторые исследователи полагают, что обесценивание вестготских монет могло быть одним из факторов, приведших к битве при Вуйе (507 г.)²⁰, когда Хлодвиг нанёс поражение Алариху II. После встречи в Амбуазе (*Greg. Tur. II. 35*) Ала-

¹⁹ *Leatherbury S.V. Writing (and reading) Silver with Sidonius... P. 32.*

²⁰ *Wood I. The Merovingian Kingdoms 450-751. London, New York. P. 47.*

рих должен был выплачивать дань Хлодвигу, которая в 506–507 гг., возможно, была отдана обесценившимися монетами. Если так, то этот факт хорошо согласуется с комментариями Кассиодора о незначительности истоков этой войны (Var. III. 1; III. 4).

В данном случае экфрасис Авита также многоцелевой: епископ делает заказ и поэтому даёт подробное описание кольца, он проявляет себя знатком риторического искусства и по-аристократически свободно показывает, что ювелирное изделие является для него повседневностью. В подробном описании желанного перстня, отмечающего достоинство служителя церкви, без сомнения, проявилась тяга потомственного аристократа к драгоценностям. При этом он всё же оставил возможность выглядеть в глазах паствы довольно скромным человеком, планируя использовать механизм и скрывать дорогой камень за простым золотом.

Магн Феликс Эннодий, епископ Павии, представляет то же поколение священнослужителей, не порвавших с классической литературой, что и Авит. Одно из его стихотворений (Ennod. Carm. II. 25), вместе с несколькими другими текстами (Carm. II. 29–31, 103)²¹ (мы отобрали только одно стихотворение Эннодия о Пасифае, так как не ставили своей целью осветить весь этот цикл, нас интересует экфрасис как таковой и его роль в позднеантичной культуре, кроме того, трудно найти что-нибудь новое после того, как данная серия эпиграмм была неоднократно подвергнута анализу зарубежными коллегами: Р. Армстронгом, Д. Ди Риенцо, А. Вэзил и др.), описывает изображение на дне серебряного сосуда для питья (*saucis*), принадлежащего неназванному человеку. Это известный в античной мифологии сюжет, представляющий предысторию появления Минотавра в результате неестественной любви дочери Гелиоса, Пасифаи, и быка.

Согласно Диодору Сицилийскому (IV. 60), Вергилию (Eclog. VI. 5), Псевдо-Аполлодору (III. 1, 2–4) и Павсанию (VII. 4, 5), Посейдон заставил Пасифаю влюбиться в белого быка, присланного богом Миносу для принесения в жертву. Благодаря необычайной красоте животного Минос не захотел жертвовать его и оставил в своих стадах. Обуреваемая постыдной страстью, Пасифая доверила свой секрет Дедалу, знаменитому афинскому изобретателю, жившему в то время у Миноса. Учёный соорудил полулю деревянную корову, обтянул конструкцию коровьей шкурой, приделал под копытами колеса и отвёз её на луг в окрестностях Гортины (Крит), где пасся Посейдонов бык. Внутри деревянной коровы поместилась Пасифая. Белый бык исполнил своё предназначение, и плодом этой внушенной богом страсти стал Минотавр – чудовище Лабиринта, державшее в страхе всех, кто о нём знал.

Вот как трактовал этот сюжет Эннодий:

*На дне искусного сосуда,
Созданного на века:
Стоит Пасифая на склоне,*

²¹ Magni Felicis Ennodii Opera omnia / W. Hartel ed. Vindobonae, 1882. P. 567.

*Обнявшая шею быка.
Тот бык снежно-белый и дивный,
И ждет поцелуя она.
Пусть это всего лишь картина,
Но ярче она создана,
Чем дева из плоти и крови,
Дыша красотой и любовью.
А бык серебром весь сияет,
Собою свет дня затмевает.
Нет тел настоящих пред нами,
Лишь страсть меж двумя берегами:
Женщины из дворца
И снежного тельца.*

Судя по этим строкам, Эннодий, по-видимому, был эстетом, любителем красоты и элегантности, содержащейся в мелочах, поэтому история любви Пасифаи и быка, представленная на дне сосуда, вдохновила его на этот образец экфрастической поэзии.

Помимо ювелирного риторического стиля позднеантичного автора (в эпиграммах Эннодия это прежде всего стихотворные размеры – элегический дистих и гекзаметр), это стихотворение интересует исследователей по двум причинам: внимание христианина и священнослужителя к античным мифологическим сюжетам и его отношение к языческой культуре, отразившейся в данном мифе.

Что касается первого момента, то случаи обращения христианских писателей к античным сюжетам далеко не единичны и не случайны, памятуя сформулированный еще в III в. совет Климента Александрийского не пренебрегать античными сюжетами, а использовать их с целью извлечения христианской морали. Для иллюстрации достаточно вспомнить «Три книги о мифологии» христианского писателя времен вандальской Африки Фульгенция-Мифографа, который тщательным образом анализирует древние мифы, приходя порою к самым невообразимым и странным выводам, способствующим утверждению христианской морали (об этом см.: *Литовченко Е.В. Фабий Планциад Фульгенций и первая рецепция античности // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. 2010. №19 (90). С. 53–57*).

История Пасифаи расценивалась по-разному античными литераторами, и с оттенком сочувствия, и как «аморальная». Так, Еврипид с его особым стремлением как можно глубже раскрыть внутренний мир женщины, написал о безумии Пасифаи в сохранившейся фрагментарно трагедии «Критянки», где всю ответственность переложил на плечи небожителей: «Вы имеете полное право осудить меня как падшую женщину, но это не моя воля, я страдаю от насланного богом безумия» (Eur. Cret. 472)²².

²² Cretans in Euripides: Selected Framgmentary Plays, Vol. I. / C. Collard, M.J. Cropp, K.H. Lee (ed. with intr., transl. and comm.). Warminster, 1995. P. 53-78; Armstrong R. Pasiphae in

Некоторые латинские писатели, не обязательно христианские, выражали моральное неодобрение, если не отвращение, в комментариях или интерпретациях сюжета о Пасифае, видя в нем воплощение худшего проявления женской страсти. Вергилий вроде бы сочувствующе называет Пасифаю «бедной женщиной», однако, «пришедшей на постыдное ложе скотского брака» (Verg. Eclog. VI. 45–50); Овидий более мягок в оценках, предпочитая винить в падении Пасифаи «свирепого Миноса»: «Не удивительно, нет, что тебе предпочла Пасифая / Мужа-быка» (Ovid. Meth. VIII. 136–137)²³.

Самым радикальным в отношении к поступку Пасифаи выступил Луксорий, поэт и автор эпиграмм, живший в Карфагене в последние годы правления вандалов в VI в.: «Ей не помеха ни царская честь, ни страх перед мужем... / Рада любви запретной... / Чтоб, забыв стыд, утолить пыл, ибо зла страсть / Грешной похоти плод, рождается сын с двумя телами...» (Lux. Pas. 6, 17–20)²⁴ (Авторы отечественной коллективной монографии отнесли стихотворение к неизвестным поэтам, современная зарубежная историография утверждает авторство Луксория²⁵).

Таким образом, самая мягкая оценка грехопадения Пасифаи принадлежит христианину-священнослужителю Эннодию, который в данном случае выступает как поклонник красоты творения, как мы уже отмечали выше. Эта красота, воплощенная в кубке, отдельно взятом предмете, характеризуется и увеличивается посредством его итеративного описания (имеется в виду несколько эпиграмм, посвященных одному и тому же сюжету²⁶). Ею следует восхищаться, и не нужно обязательно интерпретировать с точки зрения «неразрешённого конфликта» между христианством и классической традицией. Язык классической традиции – это средство выражения, которое Эннодий использует не только для того, чтобы показать свою эрудицию, но и для описания человеческого мира таким, каким его воспринимает человек культуры²⁷. Заметим, что Эннодий более прогрессивен в оценке трагедии Пасифаи, чем многие его предшественники и современники.

Таким образом, мы рассмотрели три экфрастических образца: детальные изображения трех предметов создавались с разными целями, но это, безусловно, аллюзии на классический экфрасис. Сидоний оказал любезность другу и сочинил рифмованные строки для серебряного сосуда; Авит представляет в письме проект кольца, которое пристало носить епископу; Эннодий даёт описание известного мифологического сюжета, изображенного на

the Eclogues and Ars Amatoria // Cretan Women: Pasiphae, Ariadne, and Phaedra in Latin Poetry, Oxford, 2006. P. 171–177.

²³ Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. с лат. С.В. Шервинского. М., 1977. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1303001008#130>.

²⁴ Рус. пер.: Гаспаров М. Пасифая // Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V века / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1964. С. 182.

²⁵ См., напр.: Zurli L. Eseggesi e critica del testo: Qualche esempio da Luxorius // Giornale Italiano di Filologia. 1993. 45. P. 29–46.

²⁶ The poetry of Ennodius... P. 17.

²⁷ Wasyl A. Op. cit. P. 617.

кубке из серебра; но на самом деле гораздо больше факторов, объединяющих мотивы создания позднеантичных экфрасисов.

Прежде всего, эти фрагменты свидетельствуют не только о любви их авторов к классической литературе, но и о желании сохранить её достижения для потомков на фоне всё более варваризирующегося Средиземноморского мира. Для этого авторы обращаются именно к классическим образцам и со всем тщанием следуют правилам риторики.

Во-вторых, умение сочинить экфрасис служило демонстрацией собственных познаний и таланта, чтобы показать себя знатоком античной традиции и мастером красноречия. Язык выступает здесь как способ обретения личности и её манифестации. Самопрезентация – стремление представить себя с самой выгодной стороны – как ничто другое вдохновляла авторов на продолжение риторического труда.

В-третьих, следование классическим литературным традициям позволяло представителям высшего слоя позднеантичной аристократии сохранять свою идентичность, находя отдушину, своего рода укрытие в занятиях литературой, противостоя внешним невзгодам, оставаясь островками латинской культуры в варварском мире. С другой стороны, именно литература, риторические умения служили связующим звеном между варварами и римлянами, делая последних полезными членами нового общества: знания и умения образованных римлян можно было проявить на службе варварским королям, как это сделали в той или иной степени все три автора.

Наконец, поскольку *otium litteratum* являлся неотъемлемым элементом повседневной жизни поздней античности, изящная словесность сама по себе или же в текстах посланий служила, кроме того, средством коммуникации: с одной стороны, авторы экфрасисов имели повод отправить свой литературный «продукт» другим ценителям красноречия, с другой – тем самым побуждали читателей дать отзыв, чтобы оценить произведение. Таким образом, практиковались литературные навыки, не прерывалась связь между представителями интеллектуального сообщества, сохранялась преемственность с классической культурой.

Список литературы:

1. Власов В.Г. Экфрасис // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. СПб.: Азбука-Классика. Т. X, 2010. – 658 с.
2. Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб.: ЧОУ РХГА, 2015. – 639 с.
3. Armstrong R. Pasiphae in the Eclogues and Ars Amatoria, in Cretan Women: Pasiphae, Ariadne, and Phaedra in Latin Poetry, Oxford 2006.
4. Di Rienzo D. Tema e variazioni: Il ciclo di Pasifae e il toro (carm 2,25; 29–31; 103), in Atti della prima Giornata Ennodiana, Pavia, 29–30 marzo 2000, ed. Fabio Gasti (Pisa: ETS, 2001), 109–118.

5. *Di Rienzo D.* Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio (Naples: Dipartimento di filologia classica F. Araldi dell'Università degli studi di Napoli Federico II, 2005), 264 p.
6. *Guipponi-Gineste M.-F.* Poème-bijou et objet précieux: La merveille entre esthétique, épideictique et politique dans la correspondance de Sidoine Apollinaire (Epist., IV, 8), in R. Poignault and A. Stoehr-Monjou, *Présence de Sidoine Apollinaire*, Clermont-Ferrand: Centre de recherches A. Piganiol-Présence de l'Antiquité, 2014. Pp. 245–258.
7. *Janko R.* The Shield of Heracles and the Legend of Cycnus // *The Classical Quarterly*, New Series. 1986. 36.1. P. 39
8. *Kennell S.A.H.* Magnus Felix Ennodius: A Gentleman of the Church (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000), 54–55.
9. *Leatherbury S.V.* Writing (and reading) Silver with Sidonius: the material contexts of late antique texts // *Word & Image*. 2017. 33(1). P. 35-56.
10. *Leatherbury S.V.* Writing, Reading, and Seeing Between the Lines: Framing Late Antique Inscriptions as Texts and Images in The Frame in Classical Art: A Cultural History, ed. Verity Platt and Michael Squire (Cambridge: Cambridge University Press, 2017 P. 544-582
11. *Lobato J.H.* Vel Apolline Muto: Estética y poética de la Antigüedad Tardía (Bern: Peter Lang, 2012), 493–518
12. *MacMullen R.* The Epigraphic Habit in the Roman Empire in *American Journal of Philology* 103, no. 3 (1982): 233–246;
13. *Meredith H.* Animating Objects: Ekphrastic and Inscribed Late Antique Movable Material Culture // *Facta*. 2009. No3. P. 35–64.
14. *Meredith H.* Word Becomes Image: Openwork Vessels as a Reflection of Late Antique Transformation. Oxford: Archaeopress, 2015. 289 p.
15. *Meyer E.A.* Explaining the Epigraphic Habit in the Roman Empire: The Evidence of Epitaphs, *Journal of Roman Studies* 80 (1990): 74–96.
16. *Mulligan B.* (transl., intr., notes) *The poetry of Ennodius*. London&New York: Routledge, 2022. 266 p.
17. *Munksgaard E.* Late Antique silver // *Early Medieval Studies*. 1987. Vol 21. P. 82–84.
18. *Wasyl A.M.* The Future Bishop and Pasiphae. Asceticism, Corporeality, and the Secular in Ennodius's Poetry. *Athenaeum* 106.2 (2018): 607–618.
19. *Webb R.* Ekphrasis, imagination and persuasion in ancient rhetorical theory and practice. London: Ashgate, 2009. 238 p.
20. *Wood I.* *The Merovingian Kingdoms 450-751*. London, New York, 2014. 408 p.
21. *Zurli L.* Esegisi e critica del testo: Qualche esempio da Luxorius // *Giornale Italiano di Filologia*. 1993. 45. P. 29–46.

Об авторе:

ЛИТОВЧЕНКО Елена Викторовна – доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, историко-филологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, (308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

The Bowl of Sidonius, the Cup of Ennodius and the Ring of Avitus: Ekphrasis in Late Antiquity

E.V. Litovchenko

Belgorod National Research University, *Belgorod, Russia*

This paper deals with the analysis of the content and historical context of three ekphrasis. The authors of these literary examples were Late Antique intellectuals – Sidonius Apollinaris, Avitus of Vienne and Ennodius. The author also aims to determine the role of these rhetorical patterns in the spiritual culture of the 5-6 centuries AD. The main sources of the research are the epistolary collections of Sidonius and Avitus, the epigrams of Ennodius, which were first translated from Latin into Russian. The author concludes that Late Antique writers followed the norms of classical rhetoric, using ekphrasis – a description of an object of art in a literary text, as one of the artistic techniques for preserving and transmitting to descendants the achievements of ancient literature. They practiced ekphrasis as a way of maintaining Roman identity in contrast to the barbarian world, and as an opportunity to demonstrate their rhetorical training, thereby positioning oneself as a representative of a high, refined culture.

Keywords: *Late Antiquity, rhetoric, ekphrasis, Sidonius Apollinaris, Avitus of Vienne, Ennodius.*

About the author:

LITOVCHENKO Elena Victorovna – Doctor of History, Associate professor, the Department of World History, the Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, (308015, Belgorod, Pobedy str., 85), e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

References:

- Vlasov V.G., *Ekfrasis*, Novyj enciklopedicheskij slovar' izobrazitel'nogo iskusstva, V 10 t., SPb., Azbuka-Klassika, 2010. T. X. – 658 s.
Dorofeev D.Yu., *Lichnost' i kommunikacii. Antropologiya ustnogo i pis'mennogo slova v antichnoj kul'ture*, SPb., CHOU RHGA, 2015. – 639 s.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.